

⁶¹ Brobst P. Op. cit. P. XIII; Hauner M. The Last Great Game. P. 73–74, 200. Необоснованной представляется и датировка, предложенная Морганом, который связал окончание «Игры» с урегулированием англо-русско-китайского конфликта на Памире в 1895 г.: Morgan G. Op. cit. P. 200–214.

⁶² Hopkirk P. The Great Game. P. 2.

⁶³ Цит. по: Keith J. The Eastern Arc of Empire: A Strategic View 1850–1950 // The Journal of Strategic Studies. 1982. Vol. 5. № 4. P. 534.

⁶⁴ О расширении восточных границ Российской империи см.: Пубер А. Указ соч. С. 61–62; Strebel'sky I. The Frontier in Central Asia // Studies in Russian Historical Geography. Vol. 1. L., 1983. P. 143–173.

⁶⁵ Улунян А.А. Новая политическая география. М., 2009. С. 127.

⁶⁶ См.: Hopkirk P. Trespassers on the Roof of the World. P. 150.

⁶⁷ Curzon G. The «Scientific Frontier» an Accomplished Fact // The Nineteenth Century. 1888. № 136. P. 901–917; *idem*. The Fluctuating Frontier of Russia in Asia // The Nineteenth Century. 1889. № 144. P. 267–283; *idem*. Frontiers. Oxford, 1907. См. также: Lamb F. Asian Frontiers. Studies in a Continuing Problem. L., 1968; Hauner M. The Last Great Game. P. 74–75.

⁶⁸ Любопытно и бесполезно сравнить оценки известных российских и европейских путешественников, например, Н.М. Пржевальского и А. Вамбери: Пржевальский Н.М. Современное положение Центральной Азии // Русский вестник. 1886. № 186. С. 473–524; Vambery A. Western Culture in Eastern Lands. A Comparison of the Methods Adopted by England and Russia in the Middle East. L., 1906; *idem*. His Life and Adventures. L., Leipzig, 1914.

⁶⁹ Rhodes J. Rosebery. A Biography of Archibald Philip, Fifth Earl of Rosebery. L., 1963. P. 192.

⁷⁰ Впрочем, мнения историков на этот счет расходятся. См.: Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии и англо-русское соперничество (1857–1876). С. 40; Gillard D. Op. cit. P. 179.

© 2011 г. С. В. ЛИСТИКОВ*

ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ И «РУССКИЙ ВОПРОС»: РЕШЕНИЯ ВЕРСАЛЬСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1919–1920 ГОДОВ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

В январе 1919 г. в Париже собрались лидеры государств, победивших в Мировой войне, для подведения ее итогов и определения будущего народов, искренне надевавшихся, что кровавый кошмар более не повторится. Работа конференции, где доминировали представители «большой пятерки» держав (Англии, Франции, США, Италии, Японии), проходила в крайне сложных условиях. Под влиянием успеха большевиков в России Европу сотрясала революционная волна, прокатившаяся по Германии, Австрии, Венгрии, Словакии. Социалистические и коммунистические партии усиливали свое влияние на «разбуженные» войной массы трудящихся, развернулись упорные стачечные бои. Болезненный процесс распада великих империй и образования новых государств привел к росту патриотических и националистических настроений. Сталкивались интересы молодых и старых стран, пытавшихся в Версале узаконить свои притязания. На огромной территории бывшей Российской империи кипела Гражданская война, вовлекшая в свою орбиту помимо белых и красных и другие силы, величину и политическую ориентацию которых на Западе нередко представляли весьма туманно. По периметру ее прежних границ возникло с десятков национальных республик и правительств, отправивших делегации в Париж и добивавшихся признания независимости со стороны великих держав¹.

* Листиков Сергей Викторович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Анализ яростной борьбы, происходившей на бескрайних просторах России и затрагивавшей интересы соседних стран, оценка ее перспектив, определение собственной политики и составляли для ведущих государственных деятелей и дипломатов держав-победительниц в Версале содержание «русского вопроса». Причем они не уменьшали ни его сложности, ни значимости. «Почти неразрешимая проблема», – так определил «русскую головоломку» президент В. Вильсон на состоявшейся 14 февраля 1919 г. в Париже пресс-конференции². Но искать ее решение было необходимо. Британский премьер Д. Ллойд Джордж впоследствии признал: «Зимой 1918/1919 гг. было ясно, что невозможно установить мир на прочных основаниях, пока гражданская война раздирает Россию, а союзники поддерживают одну из сторон, участвующую в кровавой борьбе, которая опустошает эту обширную страну»³.

Со своей стороны, лидеры Белого движения, указывая на вклад России в 1914–1917 гг. в победу антигерманской коалиции и на сотрудничество с западными партнерами в борьбе с узурпаторами власти – большевиками, считали свои претензии на полноценное участие в мирной конференции вполне обоснованными. Поэтому съехавшиеся в Париж русские дипломаты, политики, военные, предприниматели и представители общественности разных политических взглядов образовали в конце 1918 г. Русское политическое совещание (РПС), а в январе 1919 г. составили Русскую политическую делегацию для непосредственного участия в конференции. В нее вошли председатель РПС кн. Г.Е. Львов, министр иностранных дел Омского и Екатеринодарского правительств С.Д. Сазонов, посол России во Франции В.А. Маклаков и председатель Временного правительства Северной области Н.В. Чайковский⁴.

Однако лидеры западных держав уже 12 января на заседании Совета четырех приняли решение о том, что «Россия не должна быть представлена на конференции»⁵. Оказавшись в униженной роли неформальных советников, русские политики, дипломаты, военные в своих оценках не щадили принимавшиеся в Версале решения и делали самые неллицеприятные прогнозы на будущее. Естественно, в первую очередь их внимание привлекали попытки держав определить подходы к «русскому вопросу».

Эти поиски начинались не с чистого листа: летом 1918 г. Антанта и США предприняли интервенцию в Россию, антибольшевистская направленность которой ни у кого сомнений не вызывала⁶. Но уже полгода спустя Ллойд Джордж и президент США Вильсон заговорили о том, что силовой вариант не оправдал возлагавшихся на него надежд. Находившиеся на русской территории французские, британские, американские войска явно не горели желанием сражаться с красными. Все более холодным, если не пренебрежительным и враждебным, становилось отношение союзников к русским партнерам по антибольшевистскому фронту. Поставки им военного и иного снаряжения осуществлялись натужно, их количество и качество не всегда удовлетворяли белых. Новые кредиты не открывались со ссылкой на завершение военного времени и протесты либеральной и социалистической оппозиции в Европе и США. Опираясь на массовую поддержку, она требовала вывода войск из России.

В Париже западные политики мучительно искали альтернативу развитию интервенции. Они попытались завязать контакты с большевиками. С осуществлением этой идеи были связаны планы собрать в январе–феврале 1919 г. на Принцевых островах конференцию с участием представителей всех существовавших на территории бывшей Российской империи правительств для обсуждения возможности прекращения Гражданской войны, а также секретный вояж члена американской делегации в Париже У. Буллита в Москву в феврале–марте 1919 г. Но в тот момент политическая и деловая элита западных стран еще не созрела для контактов с большевиками и в основной массе своей настолько негативно отреагировала и на Принкипо, и на миссию Буллита, что Вильсон и Ллойд Джордж вынуждены были ее дезавуировать⁷.

Большевики же оказались на редкость податливыми партнерами. В решении главной стратегической задачи – выжить, удержав власть в неимоверно тяжелых условиях враждебного окружения, Гражданской войны и внутренней разрухи, они показали себя прагматиками и безуспешно искали подходы к конструктивному диалогу с наибо-

лее влиятельными социально-политическими силами западных стран. Крайне левых московские «товарищи» вдохновляли собственным примером и идеей «мировой революции», а значительно более многочисленные слои умеренно настроенных рабочих и социалистов призывали добиваться прекращения интервенции против Советской России путем давления на «свои» правительства⁸. Этот призыв находил в 1919 г. широкий отклик⁹. Одновременно, правительствам западных держав предлагалось совсем другое. За вывод войск, прекращение помощи белым правительствам и экономическое сотрудничество большевики готовы были идти на серьезные уступки – предоставить концессии, выплатить долги прежних русских правительств, даже временно сосуществовать с белыми режимами¹⁰. Для Ленина, впрочем, это был лишь тактический ход, не случайно он считал свою политику времен Принкипо по существу «вторым Брестом»¹¹.

Обосновывая свою позицию, выступавшие за контакты с большевиками западные политики ссылались на успехи Советов. На фоне острой партийно-политической борьбы в странах Европы и США большевистское руководство выглядело железной когортой единомышленников. Красная армия крепла, отбивая атаки врагов. Новая власть дала крестьянину землю и этим привлекала его симпатии на свою сторону. Из всего этого на Западе делался вывод об увеличившейся поддержке Ленина населением России, с чем нельзя было не считаться. Многие из этих аргументов прозвучали, в частности, в выступлениях на заседаниях ведущих органов мирной конференции – Совета четырех и Совета десяти, а также на встрече Д. Ллойд Джорджа 16 января 1919 г. с кн. Г.Е. Львовым¹².

Осуждая контакты лидеров западных демократий с большевиками, белые политики и дипломаты критиковали их за недалекость. Как утверждал кн. Львов, большевистским «руководителям нет дела до социализма, до пролетариата, до России и что ими в лучшем случае руководит идея всемирной революции... а большинством из них и низами руководит грабительский инстинкт»¹³. Русский посол в Японии В.Н. Крупенский настойчиво рекомендовал отказаться от иллюзий о возможности перерождения большевистской диктатуры в мирных условиях во что-то более приемлемое для Запада¹⁴. А занимавший тот же пост в Вашингтоне Б.А. Бахметев призывал западных политиков отбросить любые заблуждения, будто Советы являются специфической «русской» формой демократии, и понять, что за этой ширмой скрывается самая жесткая партийная диктатура. Звучали и предостережения о том, что большевикам нельзя верить, поскольку все договоренности будут ими отброшены, как только перестанут быть нужными¹⁵. Белые дипломаты пытались объяснить западным партнерам, что путь даже неформальных, незначительных контактов с Москвой со временем приведет к признанию большевистского правительства.

В начале 1919 г. мнение белых политиков было услышано. «Принкипский проект» с треском провалился. Однако властная элита западных стран до конца не прониклась теми предостережениями, которые доносились из белого лагеря. Покидая Крым 20 ноября 1920 г., барон П.Н. Врангель мог только надеяться на то, что удастся «сохранить ядро русской армии и флота до того часа, когда Европа учтет необходимость борьбы с мировой тиранией (выделено мной. – С.Л.)»¹⁶.

Тем не менее в Европе и США было немало политиков, дипломатов, военных, считавших большевизм главной угрозой демократическим институтам. Британский военный министр У. Черчилль, маршал Франции Ф. Фош, американский консул в Архангельске К. Де Витт Пуль и др. призывали свои правительства проявить политическую волю и мобилизовать все имеющиеся военные и финансовые средства для его уничтожения. Впрочем, и они понимали, что их инициатива встретит мощную оппозицию в обществе и осуществить ее будет крайне сложно¹⁷. Наблюдая за колеблющимся курсом британского кабинета в «русском вопросе», Черчилль 27 января 1919 г. писал премьер-министру: «Считаю самой неотложной задачей определиться и объявить свою политику. “Выводите войска любой ценой” – это политика, но, с исторической точки зрения, не самая привлекательная. Другая политика – “усилим войска и сделаем

свою работу". Но, к сожалению, у нас на это нет сил. С сожалением признаю, что наши приказы не будут исполняться»¹⁸. Сторонники решительных действий оказались в явном меньшинстве. Как полагал Ллойд Джордж, «в союзных странах, особенно среди имущих классов, давала себя чувствовать неукротимая ненависть, порожденная неподдельным страхом перед большевизмом. Но только немногие, очень немногие в этих странах были готовы начать новую войну, даже для того, чтобы подавить ненавистное им учение»¹⁹. На деле в столицах союзных держав к Ленину и его товарищам отнеслись без особой нетерпимости.

Между тем располагая в России значительными силами (в конце 1918 г. на ее территории находилось до 180 тыс. иностранных войск²⁰, а вооруженные силы Белого движения в лучшие времена насчитывали до 400–500 тыс. человек), союзники во многом оставались сторонними наблюдателями происходившей борьбы. Противоречие между антибольшевистской риторикой и вялыми действиями западных политиков вызывали недоумение и негодование у тех русских, кто рассчитывал на их поддержку. Отмечая тот факт, что обещания союзников не сбываются, кадет Н.И. Астров 17 января 1919 г. заклинал В.А. Маклакова в письме из Екатеринодара: «Каждая лишняя неделя делает освобождение России более трудным... Ради Бога торопите союзников. Требуйте, настаивайте, кричите, чтобы они посылали военные силы и технические средства. Москва и Север России погибают. Это уже не слова... Надежда на союзников ускользает»²¹. Сохранились десятки письменных свидетельств участников Белого движения о равнодушном, если не сказать предательском, отношении к ним союзников. Как белые, так и красные были уверены в том, что западные державы неоднократно могли уничтожить большевиков. Львов считал, что такая возможность существовала летом 1918 г., когда наступали чехи: «Если бы в то время действительно явилась хотя бы незначительная горсть войск союзников, движение, охватившее крестьянство и города по Поволжью, сломило бы большевиков»²². Ленин вполне допускал, что в 1917–1919 гг. Советская Россия не раз могла разделить ту участь, которая постигла в 1919 г. революционную Венгрию²³.

Главная причина слабой поддержки Белого движения западными державами заключалась в том, что ни большевики, ни их противники не пользовались симпатиями политиков этих стран, опасавшихся, в случае победы «белого дела», возрождения дореволюционной, авторитарной России, с экспансионистскими тенденциями во внешней политике. «Против правительства здесь давно ведется упорная кампания под предлогом реакции... Кампания ведется деятельно против нас как Ваших представителей», — сообщал Львов из Парижа в Омск 5 апреля 1919 г.²⁴

Трудно сказать, насколько были обоснованы страхи западных политиков: Россия вынесла две революции и переживала вторую войну, потеряв миллионы жизней; решительно преобразились социально-политические отношения, идейные ориентиры и духовная жизнь общества. Однако русские дипломаты в Париже понимали, что к союзникам из разных источников поступала информация о неприглядных событиях на фронте и в тылу белых сил. 3 апреля 1919 г. Львов писал А.И. Деникину: «Те сведения, которые поступают с юга от официальных представителей, местных правительств, от общественных деятелей самой различной политической окраски, от агентов союзников о линии поведения командного состава Добровольческой армии, о взаимоотношениях между местными правительствами и Добровольческой армией усиливают позицию тех, которые защищают здесь большевиков, и ослабляют тех, кто может и хочет нам оказать помощь»²⁵. «Передайте князю Львову, — раздраженно отреагировал на это Деникин, — что я интересуюсь политической обстановкой в отношении к России, установившейся в Париже, вместе с тем признаю совершенно бесполезным руководство действиями Екатеринодарского правительства со стороны лиц, оторванных от России, не знающих и не понимающих вовсе той обстановки, в которой совершается в ней трудное дело государственного строительства»²⁶.

Даже такие решительные сторонники обустройства России на демократических началах, как Бахметев, еще летом 1918 г. осознавали, что перед ней эта желанная

альтернатива пока не стояла. В условиях кровавой междоусобицы у страны оставался лишь скудный выбор между большевиками и их противниками. «Не ищите легальных основ для действий, – убеждал он 28 апреля 1918 г. Маклакова. – Мы идем и еще будем идти путем государственных переворотов. Только ими пока обеспечен успех. Глубоко огорчен несочувствием Америки выступлениям Семенова и Алексева. Национальное движение в России сосредотачивается около подобных попыток, а не заграничных конференций... настоящий толчок национальному возрождению даст появление в России военной силы, пришедшей на ее защиту». В конце мая Маклаков отвечал ему, что именно военные предприятия «вроде Колчака» способны «восстановить национальный дух и способность действовать России»²⁷.

Навязывая стандарты демократического устройства, западные государственные деятели, по мнению белых политиков, стремились не допустить возрождения единой, сильной России, которая стала бы самостоятельным игроком на международной арене. «Я убеждаюсь все больше и больше, что возрождения и объединения России прежде всего и более всего не хотят союзники, – размышлял генерал В.Г. Болдырев, бывший главнокомандующий войсками Уфимской директории, отказавшийся признать власть Колчака. – Собирать и укреплять раздробленного на части 180-миллионного колосса, бывшего в течение стольких веков пугалом Европы, силами и средствами той же Европы, – шальная мысль, которая могла родиться только в сознании оглушенной революцией русской интеллигенции»²⁸. Эти слова были вполне созвучны мнению Ленина, анализировавшего «русскую политику» британской дипломатии: «Англия хочет иметь под своим влиянием новые маленькие государства – Финляндию, Эстляндию, Латвию и Литву, и ей нет никакого дела и даже невыгодно восстановление царской, или белогвардейской, или хотя бы буржуазной России»²⁹.

То, что западные державы были заинтересованы в затягивании междоусобицы и сохранении нестабильности в России, признавали, придавая своим фразам оттенок дипломатической неопределенности, самые влиятельные политики этих стран. В конце 1919 г. до британского военного министра У. Черчилля дошла информация, что Форин офис, учитывая победы большевиков, рассматривает вопрос предоставления продовольствия и для них (30 тыс. т), и для их противников (90 тыс. т). В письме к Дж. Керзону он не скрывал сарказма: «Можно подумать, что мы стремимся просто продлить эту войну, помогая обеим сторонам одновременно сражаться друг с другом». «Откровенно говоря, – признавался Черчилль, – с каждой попыткой я все более не могу понять ту политику, которая проводится. Мы... разрушаем каждую потенциальную коалицию против большевиков и поощряем их во всех отношениях. И тем не менее всякий раз не пытаемся заключить с ними мир, а просто доводим дело до того, что наши ресурсы один за другим поглощаются и наши потенциальные союзники успешно уничтожаются. И таким образом мы остаемся в одиночестве, сталкиваясь с враждебностью того, что к тому времени могло бы стать грозной военной силой»³⁰. Считая и большевиков, и «белое дело» опасными для себя, европейские державы и США предпочитали скорее наблюдать за Гражданской войной в России, чем решительно использовать военные и материальные возможности для поддержки русских антибольшевистских сил. Если в России впоследствии утвердился сталинский режим, то в 1918–1920 гг. сами западные государственные деятели позволили большевикам выжить и укрепиться.

Размышляя о будущем России, белые дипломаты и политики в 1919 г. мысленно «вписывали» ее в складывавшуюся в Версале систему организации послевоенного миропорядка. Англичане и французы активно поддерживали образование на окраинах бывшей Российской империи самостоятельных государств. За размышлениями западных политиков о «самоопределении», «независимости» и демократии опытные русские дипломаты и военные видели их практические замыслы. «Стремление многих европейских стран как можно скорее расчленив Россию» и изолировать ее вне зависимости от того, будет ли она белой или красной, отмечалось, в частности, в августе 1919 г. в письме начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М.К. Дитерихса председателю Совета министров Омского правительства П.В. Вологодскому.

«Народившиеся буферные государства стремятся выступить на арену международной политики, — развивал он свою мысль. — Эстония обещает Англии за поддержку остр[ов] Моозунд; Польша расширяет восточные границы за пределы этнографической законности; Финляндия тянется к Ледовитому океану. Вопрос о Закавказье, напугавший своею сложностью “Антанту”; также, видимо, решится Лигой Наций»³¹. В неподписанной секретной записке «Краткий обзор политических течений в Западной Европе к 1 мая 1919 г. в период после подписания перемирия», зарегистрированной в Центральном разведывательном отделении в Омске, указывалось: «Как французы, так и англичане поддерживают и признают все откалывающиеся и “самоопределяющиеся” народности — поляков, украинцев, литовцев, латышей, грузин и пр[оч.]. Это делается под видом их организации для борьбы с русским большевизмом, хотя их скрытый план заключается в насаждении ячеек им симпатизирующих, которые могут быть полезны им по водворении в России порядка»³².

Той же линии следовали победители и в отношении Германии, пытаясь навязать ей, как констатировал 5 марта 1919 г. Сазонов, «чрезвычайно суровые условия с целью лишить ее на долгое время возможности возобновить войну». Со своей стороны немцы «устаи своих политических деятелей стали возражать против отторжения от Германии Эльзас-Лотарингии, колоний и ее польских земель и допустили в собрание депутатов от немецкой Австрии»³³.

Курс западных держав на отстранение и России, и Германии от участия в определении условий мирного урегулирования, игнорирование их интересов и порожденные этим чувства оскорбленной национальной гордости и несправедливости закладывали основу сотрудничества двух стран в послевоенные годы. Взаимодействие большевиков с Германией приобретало стратегический характер и было рассчитано как минимум на два десятилетия. Подтверждавшие это сообщения с завидным постоянством приходили в Версаль из разных источников и не были секретом для стран-победительниц. Российский поверенный в делах в Вашингтоне С. Угет 23 апреля 1919 г. делился с Омском информацией, полученной из Варшавы о якобы заключенном между Германией и большевиками договоре: «Германия обязуется организовать русскую промышленность, включая амуниционные работы и железные дороги и предоставить военных инструкторов для Красной армии. Большевики должны ежегодно посылать в Германию определенное количество съестных припасов, не входить в какие бы то ни было переговоры с союзниками и оказывать военную помощь Германии *до 1939 года* (выделено мной. — С.Л.)»³⁴.

Ничто так не сближало Россию и Германию, как территориальные претензии Польши и та роль, которую отводили ей Англия и Франция в послевоенном мире. 13 апреля 1919 г. Сазонов отмечал, что во Франции печать, общественное мнение и некоторые политики «очень громко поддерживают польские вожеления». «Тем не менее, — полагал он, — в вопросе о восточной границе Польши большинство союзников, в том числе французов, вполне понимают невозможность решения этого вопроса без России и опасность нарушения прав последней создать общность интересов между ней и Германией (так в тексте. — С.Л.)»³⁵. Однако у британских и, особенно, у французских политиков были свои «виды» на Польшу.

Победа в мировой войне не сняла в Париже беспокойства, что «боши», восстановив силы, снова нападут на Францию. Поскольку на лежавшую в руинах Россию рассчитывать не приходилось, на роль готового принять на себя удар немцев на востоке союзника готовили расположенную между Россией и Германией Польшу³⁶. Обретя независимость и получив ее признание со стороны великих держав, Польша Р. Дмовского, Ю. Пилсудского, И. Падеревского уже в сентябре 1919 г. располагала более чем полумиллионной армией, готовой отбрасывать «большевизм» на востоке, сдерживать немцев на западе и вытеснять германские войска из Прибалтики. При этом Варшава притязала на литовские и белорусские земли, на Восточную Галицию и Тешинскую Силезию³⁷. Экспансионистские планы поляков ряд ведущих европейских политиков оценивал весьма критически. Еще 22 января на заседании Совета десяти министр

иностранных дел Великобритании А. Бальфур заявил, что после завершения мировой войны поляки требуют присоединения территорий, «по отношению к которым... они имеют мало прав», в частности «Восточная Галиция, согласно всем данным, имеющимся в его распоряжении, не хотела быть польской»³⁸. А 21 мая 1919 г. на заседании Совета четырех, размышляя о польской политике в связи с польско-украинским перемирием, Ллойд Джордж признал, что «поляки пользуются большевизмом как ширмой для достижения своих империалистических целей»³⁹. Не удивительна поэтому та весьма скептическая реакция, с которой встретили 19 сентября 1919 г. присутствовавшие на заседании в кабинете Ж. Клемансо маршал Ф. Фош, генерал М. Вейган, Д. Ллойд Джордж и советник Государственного департамента США Ф. Полк предложение президента Польши Падеревского бросить 540-тысячную польскую армию на Россию, если западные державы оплатят ее содержание (30 млн марок в день). Клемансо объявил: «Совет не хочет, чтобы поляки двинулись маршем на Москву»⁴⁰.

Русские дипломаты, представлявшие в Париже белые правительства, решительно возражали против польских захватнических устремлений, и казалось, не без успеха. 13 апреля Сазонов сообщал в Екатеринодар о результатах работы Комиссии по польским делам: «При обсуждении вопроса в комиссии Конференции было установлено, что в основу разграничения должен лечь этнографический принцип согласно заявлению Временного правительства от 30 марта 1917 г. В подкрепление этой точки зрения нами передана 9 апреля Конференции записка». В ней указывалось «на опасность всякого ирредентизма и на желательность предоставить соседним народам самим полюбовно разграничиться на этнографической основе»⁴¹.

На деле политика западных держав оставалась прагматичной. Их вмешательство в разгоревшийся в первой половине 1919 г. польско-украинский вооруженный конфликт, включая и посреднические усилия для достижения перемирия, и переброску из Франции польской армии генерала Ю. Галлера, было обусловлено необходимостью мобилизации сил против большевистской угрозы. Удачные военные действия поляков в апреле–мае и дипломатическое давление держав заставили петлюровскую Директорию уступить польским домогательствам в отношении Восточной Галиции. При этом лидеры западных держав понимали, насколько такое решение не соответствовало воле большинства населения этих земель. Опираясь на доклад Комиссии по польским делам, 25 июня 1919 г. Совет министров иностранных дел уполномочил поляков на военную оккупацию Восточной Галиции и предоставил им мандат на гражданское управление ею. Однако данное решение рассматривалось как временное, в дальнейшем населению предполагалось предоставить право на самоопределение в вопросе их политической принадлежности⁴².

Русские политики протестовали, как могли. Вернувшись из Парижа в Вашингтон Бахметев, считавший, что за потворством польской политике стояли в той или иной мере сочувствовавшие ее планам европейские державы, искал поддержки Ф. Полка. В документе от 23 марта 1920 г. русский посол решительно возражал против «решения установить управление в Восточной Галиции согласно польскому мандату» на долгие годы и доказывал, что вполне хватило бы 3–5, от силы 10 лет. Установленный конференцией срок польского мандата (25 лет) представлялся Бахметеву неоправданно большим и сознательно рассчитанным на то, чтобы Варшава успела колонизировать край, в частности путем привлечения колонистов из Польши и раздачи им земель на Западной Украине. По его мнению, великие державы должны подтвердить право народа Западной Украины на самоопределение и недвусмысленно заявить, что передача этих земель Польше носит временный характер и вызвана исключительно обстоятельствами послевоенного переустройства⁴³.

Конфликт интересов между лидерами Белого движения, стремившимися к воссозданию единой России, и Пилсудским, лелеявшим великодержавные планы, исключал возможность взаимодействия, к которому их подталкивали (пусть и не очень энергично) из Версаля лидеры ведущих западных стран. Впоследствии Деникин возлагал на поляков большую долю ответственности за неудачу своего осеннего наступления на

Москву: «Боевое сотрудничество осенью 1919 г. Польской армии с Добровольческой грозило советам разгромом и падением. В этой оценке положения сходятся все три стороны... Между тем начальник Польского государства Пилсудский осенью 1919 г. заключил с советами тайное соглашение, в силу которого военные действия на польско-советском фронте временно прекращались»⁴⁴.

Вместе с тем принятые державами-победительницами решения относительно Восточной Галиции и определения по этническому принципу временной восточной границы Польши не удовлетворяли сторонников польской экспансии⁴⁵. В свою очередь, территориальные вождедения поляков и действия лидеров западных демократий, игнорировавших мнение русских – как белых, так и красных – не могли не вызвать у них решительного протеста и желания в лучшие времена «свести счеты». Случившееся в 1919 г. все туже затягивало узел русско-польских противоречий, готовя трагические события 1939 г.

Политическое совещание и русская делегация в Париже информировали лидеров мировых держав, как происходило отторжение Бессарабии от России и ее присоединение к Румынии, о прямом давлении со стороны румынских властей и войск на самостоятельное возникшее там в конце 1917 г. правительство «Сфатул церий», о репрессиях против недовольных (соответствующие заявления делались 22 марта, 24 июля, 25 сентября 1919 г. и 12 марта 1920 г.)⁴⁶. Принятое в июле 1919 г. решение Совета четырех о проведении плебисцита в районах с преимущественно молдавским населением свидетельствовало, что протест был услышан. Однако в дальнейшем поражение Белого движения, участие румынских войск в подавлении венгерской революции и решительные дипломатические действия Бухареста «расположили» в октябре 1920 г. Англию, Францию, Италию, Японию передать Бессарабию Румынии (США к этому решению не присоединились)⁴⁷. Как и Польшу, Румынию превращали в один из форпостов политики, направленной против Советской России.

Пренебрежительно относились великие державы и к интересам России на Севере Европы. В начале мая 1919 г. Англия и США вслед за Францией *de facto* признали правительство Финляндии⁴⁸, против чего возражали вожди Белого движения. Занимавший в конце 1919 г. пост временного поверенного в делах в Великобритании Е.В. Саблин, оценивая много лет спустя действия СССР в отношении Финляндии в 1939–1940 гг., напоминал Маклакову о подготовленной Русским политическим совещанием брошюре «Несколько соображений относительно финляндской проблемы». В своем письме Саблин привел из нее обширный фрагмент: «Пока Лига Наций не уничтожит в общем факта соперничества государств и возможности войны, Россия останется под большой угрозой, если Финляндия сможет заключить союз против России. Еще большее значение, чем вопрос союзов, имеет вопрос стратегических условий. Если Россия, как и другие страны, имеет обязанность защищаться против агрессии, она не может оставаться равнодушной к перспективе использования Финляндией врагами России как базы для операций против нее. В последнем случае защита России с севера станет призрачной. Это вполне определенно скажет всякий специалист. Морская защита там не может существовать, если Россия не располагает Финским заливом. Потеря России права располагать финским побережьем для своего флота соответствует невозможности обладать военным флотом и отразить с моря нападение на Петроград. Точно так же, если Россия не сможет сопротивляться высадке войск с Финского залива, она будет без защиты на суше. Нет нужды добавлять, что Мурманская жел[езная] дорога будет в опасности, и Россия потеряет таким образом свой единственный незамерзающий порт. Из этого получается, что, если законные интересы Финляндии и желание финнов требуют насколько возможно полной независимости их внутренних дел, насущные нужны России требуют, чтобы в некоторых отношениях желание финнов согласовались с интересами России». «Все это в высшей степени правильно и отлично резюмировано, – отмечал люто ненавидевший сталинский режим Саблин. – И трагизм положения заключается в том, что мысли, вложенные в эти основные положения финско-русских отношений, оказались ныне на практике осуществленными не кем-либо из лиц, подписавших в де-

вятнадцатом году сей меморандум, а Сталиным... Российскому государству – целостности России угрожает ныне не только Германия... В настоящем ей угрожают и демократические союзники. Я все еще не верю в войну между союзниками и Россией. Но она не невозможна. Может ли посему эмиграция слишком строго судить Сталина за его политику? Можно ли осуждать советское правительство за то, что оно предпринимает ряд мер против всяких случайностей и опасностей? Правда, все это продельвается в высшей степени цинично, безобразно, безнравственно и руками далеко не в белых перчатках. Но на ком ныне белые перчатки, кто их ныне носит? Они заменены самими разноцветными рубашками, и о хороших манерах говорить не приходится»⁴⁹.

В 1919 г. РПС добивалось в обмен на признание независимости Финляндии предоставления с ее стороны стратегических гарантий безопасности России. Финны же пытались использовать для расширения своей территории благоприятный момент и крайнюю заинтересованность генерала Н.Н. Юденича в их поддержке при наступлении на красный Петроград весной и осенью 1919 г. «Финны добиваются выхода к Ледовитому океану в смысле присоединения Печенег, что представляется мне недопустимым, – отмечал 20 июля 1919 г. Сазонов. – “Самоопределение” карелов скрывает притязание на части Олонецкой и Архангельской губернии»⁵⁰. Чтобы умерить финские аппетиты, белые дипломаты обратились за помощью к лидерам великих держав. Но их посредничество вызвало лишь разочарование. «Сделанное державами по нашей просьбе заявление Финляндскому правительству, к сожалению, не было достаточно решительным, чтобы побудить финнов выступить, – признал Сазонов в конце июля. – Державы скорее старались склонить нас к уступчивости в отношении финляндских политических требований»⁵¹. Несговорчивость белых в вопросах территориальных уступок и признания независимости оттолкнула финнов. В мае–июне наступавшие на Петроград войска ожидала неудача, а в октябре–ноябре действия Северо-Западной армии закончились для нее катастрофой.

Отказавшись от поддержки Белого движения, финны еще 6 декабря 1917 г. приняли независимость из рук Ленина и его товарищей. Однако дальнейшее течение событий – вмешательство большевиков в Гражданскую войну в Финляндии на стороне красных (а немцев и шведов – на стороне белых), последовавший белый террор и травля всего русского, надолго остававшиеся в памяти народов и правительств, болезненные пограничные проблемы и заключение 14 октября 1920 г. Тартуского мирного договора, не обеспечивавшего безопасности северных рубежей Советской России – должны были навести финских политиков на мысль о том, что отношения соседних стран ожидают новые испытания⁵². Спустя 20 лет наследники Ленина дали понять, что не считали тогда решение «финской проблемы» окончательным.

В схожем положении оказались и прибалтийские республики, идея независимости которых благосклонно воспринималась многими политиками Великобритании и Франции. Согласие на требования держав по «прибалтийскому вопросу» стало одним из принципиальных условий признания ими колчаковского правительства весной 1919 г. 27 мая Совет четырех в самых обтекаемых формулировках предложил ему «признать эти территории самостоятельными (as autonomous)», а также принять отношения, сложившиеся между утвердившимися там *de facto* национальными правительствами и державами. В дальнейшем вопрос о существовании независимых Литвы, Эстонии и Латвии предлагалось решить с учетом мнения Лиги Наций и при ее содействии⁵³. Однако 4 июня 1919 г. адмирал Колчак сообщил председателю мирной конференции Ж. Клемансо, что в Омске готовы обсуждать только предоставление прибалтийским народам широкой автономии в составе демократической России. Он настаивал на сохранении за будущим законным правительством России права определять круг полномочий автономных властей. Впрочем, идею сотрудничества с Лигой Наций для достижения «удовлетворительных решений» Омск дипломатично не отвергал⁵⁴. РПС было с этим мнением солидарно. В его заявлении, сделанном 25 мая 1919 г., указывалось, что входившие в состав Российского государства прибалтийские земли являются для него жизненно важными с военно-стратегической и экономической точек зрения, и к тому

же в их освоение за многие десятилетия были вложены огромные силы и средства⁵⁵. Были все основания опасаться, что занимающие стратегически важные позиции малые прибалтийские республики, обретя независимость, станут объектом жесткой борьбы за влияние в них других, в том числе и враждебных России держав.

Большевики быстрее проявили готовность к признанию независимости прибалтийских государств⁵⁶. Договариваясь в 1919–1920 гг. с лимитрофами, они выторговывали себе жизнь. Русские национальные силы остались без серьезной поддержки. Особенно болезненно это сказалось на положении войск Юденича, во время наступления на Петроград очень рассчитывавших на помощь эстонцев⁵⁷. «Нет никакого сомнения, что самой небольшой помощи Финляндии или – немного более – Эстляндии было бы достаточно, чтобы решить судьбу Петрограда», – оценивал впоследствии обстановку, сложившуюся осенью 1919 г. на северо-западе России, Ленин⁵⁸.

В случае поражения Белого движения и прекращения интервенции у западных держав оставался лишь один вариант «русской политики» – окружить Советскую Россию «санитарным кордоном» для ограждения Европы от «большевистской заразы», как выразился Сазонов⁵⁹. При этом можно было рассчитывать, что тяжелейшие обстоятельства экономической разрухи, неустроенность людей и их недовольство приведут к изменению курса советского руководства и выдвинут более прагматичных, заинтересованных в сотрудничестве с Западом лидеров. Ведь, в конечном счете, тенденция к «замирению» с большевиками, за которой в первой половине 1920 г. с возраставшим чувством обреченности наблюдали в белом лагере, была обусловлена, по выражению авторов направленного Бахметеву с Юга России в начале мая 1920 г. письма, «эгоистическими... попытками обеспечить себе снабжение русским сырьем». В этом послании отмечалось трагическое непонимание западными политиками того, что «после ликвидации единственной вооруженной силы, способной еще реально бороться с большевистским засильем, возможность установления в России истинной свободы и демократического режима будет надолго скомпрометирована»⁶⁰. Сам Бахметев в письме госсекретарю Р. Лансингу в январе 1920 г. высказывал мысль, что надежды держав на «санитарный кордон» призрачны, поскольку «произойдет не только немедленное усиление большевиков, но и сама основа для эффективной патриотической внутренней оппозиции будет подорвана». Таким образом, действия Запада на десятилетия «продлят агонию» большевистского режима. Более того, в его внешней политике появятся условия для «возрождения империалистических устремлений»⁶¹.

Очевидно, что в Версале шло формирование той конфигурации сил на европейском пространстве, с которым оно встретило Вторую мировую войну. Версаль показал, что великие державы не были заинтересованы в возрождении сильной России, скорее наоборот. Дозированная поддержка Белого дела сочеталась с попытками договориться с большевиками, что неизбежно вело к затягиванию «русской смуты». Добиваясь дальнейшего ослабления России, Запад, казалось, выбирал, кто из двух истекавших кровью противников в будущем создаст «меньше хлопот». Принципиальная, несговорчивая позиция лидеров Белого движения прежде всего в вопросах, связанных с национально-территориальным устройством будущей России, не устраивала многих западных политиков. Они с большой подозрительностью смотрели на Белое движение, представлявшееся им скорее реакционным и реставраторским. Со своей стороны белые во многом справедливо считали поведение западных партнеров если не предательским, то откровенно равнодушным. Предупреждения белых дипломатов и политиков о смертельной опасности большевизма и для России, и для самих западных демократий были восприняты их лидерами без должной серьезности. В частности, ими недооценивалось и то, что поражение белых сил сделает незавидным положение граничивших с Советской Россией государств, если они в силу обстоятельств лишатся поддержки держав-победительниц. Верховный правитель России адмирал Колчак в конце ноября 1919 г. решительно заявил: «Тенденция новых государственных организаций, возникших за счет России, использовать тяжелые условия, в которых мы находимся, мне понятны (так в тексте. – С.Л.), но удовлетворять аппетиты создавшихся за счет России и руками

союзников за письменным столом в Версале я не могу и не буду. Если новые государства не понимают своего положения, тем хуже для них»⁶².

Пользуясь неопределенностью и колебаниями западной политики, в России выжил и утвердился большевистский режим. У миллионов граждан, подвергавшихся массовой идеологической обработке со стороны победивших большевиков, не могло не возникнуть как ненависти к западным демократиям, организовавшим интервенцию и помогавшим белым силам, так и гипертрофированных представлений о могуществе партии большевиков, которая смогла одолеть мощную коалицию внешних и внутренних врагов. И.В. Сталин впоследствии мастерски использовал синдром Гражданской войны и интервенции как для развертывания кампании политических репрессий (английские, польские и иные «шпионы» мерещились везде), так и для создания у советских граждан «образа врага».

В 1919–1920 гг., видя сближение большевиков и Германии, державы-победительницы не отреагировали на эту угрозу должным образом. А между тем прогноз о том, что ожидало человечество, был дан еще в 1919 г. видным политиком М.В. Челноковым. «Союзники не понимают, – писал он 3 марта Маклакову, – что война продолжается, что в этой войне Германия и большевики естественные союзники, что попустительство большевиков приведет к войне Германии в союзе с большевиками против Франции, которая и будет раздавлена, ибо Англия и Вильсон не успеют помочь»⁶³.

Способность рожденной в Версале Лиги Наций остановить сползание мира к новой войне уже в 1919 г. вызывала большие сомнения. Как отмечал 9 мая 1919 г. Маклаков, «нынешняя Лига Наций не дает, по-видимому, своим участникам достаточной уверенности в том, что в нужный момент она окажется способной мобилизовать имеющиеся в ее распоряжении международные средства воздействия и давления». А потому, считал он, старая «блоковая» дипломатия еще не изжила себя, о чем свидетельствовало и стремление Франции заключить оборонительный союз с США и Великобританией⁶⁴.

Так или иначе, сводить причины Второй мировой войны исключительно к обстоятельствам предвоенного кризиса конца 1930-х гг. по меньшей мере неверно и наивно. В последние десятилетия ученые и публицисты нередко объясняют возникновение Второй мировой войны сговором двух тоталитарных режимов – сталинского и гитлеровского, жертвами которого стали малые и большие демократические, неагрессивные западные страны. Однако события 1939–1941 гг. явились прямым следствием Первой мировой войны и ее итогов, подведенных на Парижской мирной конференции в самый критический для России момент. После перенапряжения в 1914–1917 гг. она оказалась беспомощной и ввергнутой в хаос страшной междоусобной смуты. И это состояние бессилия обнажило подлинное отношение к ней бывших союзников. Их приговор оказался суров и несправедлив, а огромные жертвы, принесенные Россией на алтарь общей победы, были забыты.

Накануне Второй мировой войны Москва решала те самые проблемы – «финскую», «польскую», «прибалтийскую», «бессарабскую», которые за 20 лет до этого были созданы западными державами в Версале. «Дорожка» к пакту Молотова–Риббентропа в немалой степени «прокладывалась» недальновидной политикой прежде всего Великобритании и Франции, в качестве победителей в мировой войне стремившихся не допустить восстановления силы двух государств, до августа 1914 г. входивших в число великих держав, вершивших судьбы Европы и мира.

Примечания

¹ О Версальской мирной конференции и обсуждении на ней «русской темы» см.: Штейн Б.Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920). М., 1949; Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М., 2002. С. 308–389; Gardner L. Safe for Democracy: The Anglo-American Response to Revolution, 1913–1923. N.Y., 1984. P. 233–304; Mayer A. Politics and Diplomacy of

Peacemaking. Containment and Counterrevolution at Versailles 1918–1919. L., 1967; *Thompson J.* Russia, Bolshevism and the Versailles Peace. Princeton, 1966. P. 82–130; *McFadden D.* Alternative Paths. Soviets and Americans, 1917–1920. N.Y.; Oxford, 1993; *McMillan M.* The Peacemakers. The Paris Peace Conference and Its Attempts to End War. L., 2002.

² The Papers of Woodrow Wilson / Ed. A.S. Link (далее – PWW). Vol. 55. Princeton, 1986. P. 161.

³ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 1. М., 1957. С. 274.

⁴ О Русском политическом совещании см.: *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 4. М., 2003. С. 340–345; *Будницкий О.В.* Послы несуществующей страны // «Совершенно секретно и доверительно!» Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. Т. 1. М., 2001. С. 57–75; *Кононова М.М.* Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925). М., 2004. С. 123–126. Впоследствии в состав делегации был включен Б.В. Савинков.

⁵ US Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference. 1919 (далее – FRUS. PPC). Vol. 3. Washington, 1942. P. 490–491.

⁶ Среди обширного числа дипломатических бумаг готовивших интервенцию западных держав обращает на себя внимание меморандум, согласованный 23 декабря 1917 г. во время негласного вояжа в Париж министра британского кабинета А. Мильнера и помощника министра иностранных дел Р. Сесила и их встречи с премьер-министром Франции Ж. Клемансо и министром иностранных дел С. Пишоном. Для координации действий двух стран в борьбе с большевиками на Юге России предполагалось разделить его на зоны ответственности: в британскую входили казачьи области, Кавказ, Грузия, Армения, Курдистан, во французскую – Украина, Крым, Бессарабия. Как отметил видный канадский историк М. Карли, западные исследователи расходятся во мнениях, имел ли этот документ только военное значение, учитывая совпадение обозначенных сфер влияния с районами экономических интересов британского и французского капитала в довоенной России. Показательно, что именно желание «экономической эксплуатации» России увидели в данном меморандуме, получившем огласку в начале 1920-х гг., как белые, так и красные. См.: *Carley M.* Revolution and Intervention. The French Government and the Russian Civil War 1917–1919. Kingston, 1983. P. 27, 204; *Chamberlin W.H.* The Russian Revolution 1917–1921. Vol. 2. N.Y., 1954. P. 153–154; *Штейн Б.Е.* Указ. соч. С. 28–29.

⁷ О конференции на Принцевых островах и миссии У. Буллита см.: *Листиков С.В.* Президент В. Вильсон, русские небольшевистские силы и конференция на Принцевых островах // Американский ежегодник. 2007. М., 2009. С. 260–286; *Gardner L.* Op. cit. P. 233–241; *Mayer A.* Op. cit. P. 410–450; *Thompson J.* Op. cit. P. 82–130; *McFadden D.* Op. cit. P. 191–217; *Farnsworth B.* William C. Bullitt and the Soviet Union. Bloomington, 1967. P. 32–54.

⁸ См., в частности: *Нежинский Л.Н.* В интересах народа или против них? Советская международная политика в 1917–1933 гг. М., 2004; Советская внешняя политика в ретроспективе. 1917–1991. М., 1999. С. 3–39; *Шишкин В.А.* Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к национал-большевизму. СПб., 2002. С. 16–100.

⁹ Ллойд Джордж впоследствии признал: «Организованные рабочие с определенной симпатией реагировали на приход к власти пролетариата в России и страстно желали перемен повсюду, особенно смены господствующего класса. Эти настроения, усугубляемые искренним отвращением ко всякой новой войне, были настолько сильны, что, если бы мы приостановили демобилизацию и начали переброску войск из Франции в Одессу или Архангельск, вспыхнул бы мятеж (*Ллойд Джордж Д.* Указ. соч. Т. 1. С. 277).

¹⁰ По оценке Дж. Томпсона, в октябре 1918 г. – январе 1919 г. от Г.В. Чичерина и М.М. Литвинова последовало не менее семи подобных предложений (*Thompson J.* Op. cit. P. 88–93).

¹¹ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 38. С. 131–135.

¹² FRUS. PPC. Vol. 3. P. 490–491, 589–593, 634–642; *Полнер Т.И.* Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. М., 2001. С. 403–405.

¹³ ГА РФ, ф. 200, оп. 1, д. 269, л. 78.

¹⁴ Там же, д. 265, л. 76.

¹⁵ АВП ИИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 41 об.; ГА РФ, ф. 200, оп. 1, д. 115, л. 12; д. 265, л. 52–53.

¹⁶ ГА РФ, ф. 5680, оп. 1, д. 148, л. 118.

¹⁷ 7 и 21 августа 1919 г. К. Де Витт Пуль направил президенту США 2 меморандума с призывом уничтожить большевизм. Оба они были просмотрены и оставлены без последствий (PWW. Vol. 62. Princeton, 1990. P. 203–205, 441–442).

¹⁸ Parliamentary Archive. LGF / 8 / 3 / 7. Черчилль рассчитывал на то, что поддержка добровольцами, советниками, деньгами, оружием (включая танки и самолеты) и боевым снаряжением позволит белым вести успешные боевые операции против большевиков (FRUS. PPC. Vol. 3. P. 1043).

¹⁹ Ллойд Джордж Д. Указ. соч. Т. 1. С. 277.

²⁰ Такую цифру называет известный британский исследователь М. Макмиллан (*McMillan M.* Op. cit. P. 80). В выступлениях на заседаниях Совета четырех и в переписке В. Вильсона и Д. Ллойда Джорджа с лидерами других держав упоминалось о 15–20 тыс. англичан и канадцев, 9–15 тыс. американцев, 60 тыс. японцев, чешский корпус насчитывал до 50 тыс. человек. В интервенции участвовали также французы, итальянцы, поляки, румыны, греки, сербы (FRUS. PPC. Vol. 3. P. 145; PWW. Vol. 53. Princeton, 1986. P. 145; Vol. 58. P. 133, 573–574).

²¹ ГА РФ, ф. 200, оп. 1, д. 285, л. 17–18.

²² Там же, д. 269, л. 78 об.

²³ По словам Ленина, это могло случиться в конце 1917 г., «в первое время», когда враги «могли задавить нас в несколько недель», после завершения Первой мировой войны в 1918 г., если бы Антанта могла «хотя бы десятую долю своих армий бросить против нас», или осенью 1919 г., когда сорвалась попытка организовать поход 14 государств против Советской России (Ленин В.И. ПСС. Т. 37. С. 157; Т. 38. С. 258–259; Т. 39. С. 347–349, 389–390).

²⁴ ГА РФ, ф. 200, оп. 1, д. 115, л. 40.

²⁵ Там же, ф. 6851, оп. 1, д. 33, л. 85–86.

²⁶ Там же, ф. 4648, оп. 1, д. 1, л. 121.

²⁷ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 7–8, 15.

²⁸ Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 2. С. 286.

²⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 41. С. 350.

³⁰ Parliamentary Archive. LG / F / 12 / 2 / 16a.

³¹ ГА РФ, ф. 200, оп. 1, д. 264, л. 26 об.

³² Там же, д. 205, л. 47.

³³ Там же, ф. 6851, оп. 1, д. 33, л. 53, 89, 97.

³⁴ Там же, ф. 200, оп. 1, д. 269, л. 197. О становлении германо-советского сотрудничества см.: Горлов С.А. Совершенно секретно: Москва–Берлин, 1920–1933. Военно-политические отношения между СССР и Германией. М., 1999. С. 17–49.

³⁵ ГА РФ, ф. 200, оп. 1, д. 115, л. 42.

³⁶ О том, насколько сильно во Франции в 1919 г. опасались восстановления германской военной мощи, реванша и какие надежды в этой связи возлагались на Польшу, см.: Noble G.B. Policies and opinions at Paris, 1919. Wilsonian diplomacy, The Versailles Peace, and French public opinion. N.Y., 1968. P. 153–185, 220–268. «Та же дилемма стоит перед будущей Польшей в той роли, которую Франция предназначала для нее. Она должна быть сильной, католической, проникнутой милитаризмом и верой, она должна быть сотоварищем или, по крайней мере, фаворитом победоносной Франции, должна цвести и блистать среди пепла России и развалин Германии», – характеризовал французские замыслы Дж.М. Кейнс (*Кейнс Дж.* Экономические последствия Версальского договора. М.; Л., 1924. С. 132).

³⁷ О польских территориальных амбициях см.: Зубачевский В.А. Политика России в отношении восточной части Центральной Европы (1917–1923 гг.): геополитический аспект. Омск, 2005. С. 78–92; Зуев М.Н., Изопов В.В., Симонова Т.М. Советская Россия и Польша. 1918–1920. М., 2006. С. 23–77; Михутина И.В. Польско-советская война 1919–1920 гг. М., 1994. С. 59–104; Яжборовская И.С., Парсаданова В.С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005. С. 107–178. Летом 1919 г. в Верхней Силезии поляками было спровоцировано «национальное восстание», закончившееся неудачей (См.: Горлов С.А. Указ. соч. С. 27 – 28).

³⁸ FRUS. PPC. Vol. 3. P. 672.

³⁹ Idem. Vol. 5. Washington, 1946. P. 781.

⁴⁰ Tasker H. Bliss Papers. Box 245. F.: State Department. Cablegrams copies. Jan. 1918–Aug. 1919. Washington, D.C., Library of Congress.

⁴¹ ГА РФ, ф. 6851, оп. 1, д. 33, л. 79.

⁴² FRUS. PPC. Vol. 4. Washington, 1943. P. 848–851; 859–860; Скляров С.А. Определение польско-украинской границы на Парижской мирной конференции // Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996. С. 136–158; Яжборовская И.С., Парсаданова В.С. Указ. соч. С. 126–127, 141. На территории Восточной Галиции украинское большинство населения в октябре 1918 г. образовало Западно-Украинскую народную республику (ЗУНР), уже в ноябре подвергшуюся нападению Польши.

⁴³ ГА РФ, ф. 5680, оп. 1, д. 6, л. 87–90.

⁴⁴ Деникин А.И. Кто спас Советскую власть от гибели // Деникин А.И., фон Лампе А.А. Трагедия Белой армии. М., 1991. С. 5. Положение большевиков действительно было критическим: Деникин овладел Орлом и создал непосредственную угрозу Москве, Юденич вышел на подступы к Петрограду, войскам Колчака на северном фланге удалось отбросить красных до реки Тобол. В этой ситуации поляки, фактически прекратив боевые действия, начали переговоры с Советами об обмене военнопленными и по другим гуманитарным вопросам. По свидетельству Ю. Мархлевского, шеф контрразведки Литовско-Белорусского фронта И. Бернер, принадлежавший к ближайшему окружению Пилсудского, прямо заявлял: «Нам важно, чтобы вы победили Деникина, берите свои полки, посылайте их против Деникина или Юденича, мы вас не тронем» (Зубачевский В.А. Белое движение и проблемы западных рубежей России (1918–1919 гг.) // Проблемы отечественной историографии и истории. Омск, 2002. С. 167–174; Михутина И.В. Указ. соч. С. 77–87, 91–93).

⁴⁵ Зубачевский В.А. Политика России в отношении восточной части Центральной Европы... С. 89–90; Яжборовская И.С., Парсаданова В.С. Указ. соч. С. 140–145.

⁴⁶ Leeds Russian Archive. MS 1500. Zemgor Archive. Diplomatic Papers. Box 8. F.: 26, 43; Box 11. F: Peace Conference. См. также: Бессарабия на перекрестке Европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996. С. 168–248; За Балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002. С. 346–363; 382–402; Скворцова Л.Ю. Русские в Бессарабии: Опыт жизни в диаспоре (1918–1940 гг.). Кишинэу, 2002. С. 14–16.

⁴⁷ Бессарабия на перекрестке Европейской дипломатии... С. 187–190. Требование референдума содержалось, в частности, в подготовленном Сазоновым 3 июня 1919 г. проекте ответа на последовавшее 27 мая 1919 г. заявление держав об условиях признания Омского правительства (ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 115, л. 63, 63 об.).

⁴⁸ АВП РИ, ф. 170, оп. 512/4, д. 115, л. 0151.

⁴⁹ Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов. 1934–1940. Сборник документов в двух книгах. Кн. 2. М., 1998. С. 338–339.

⁵⁰ ГА РФ, ф. 200, оп. 1, д. 115, л. 127. О неудачных попытках белых договориться с финнами о совместных действиях против большевиков во время наступления на Петроград см.: Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М., 1993. С. 146–148, 164–167; Интервенция на Северо-Западе России, 1917–1920. М., 1995. С. 214, 219–236, 358–361; Мери В. К.Г. Маннергейм – маршал Финляндии. М., 1997. С. 118–119, 124–126; Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 1998. С. 61–112, 235–252, 368–383.

⁵¹ ГА РФ, ф. 200, оп. 1, д. 115, л. 130.

⁵² См.: Новикова И.Н. Великое княжество Финляндское в годы Первой мировой войны: от автономии к независимости // Война и общество: В 3 кн. Кн. 1. М., 2008. С. 186–232; она же. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002; Рупасов А.И., Чистиков А.Н. Советско-финляндская граница. 1918–1938. М., 2007. С. 10–96; Свечников М.С. Революция и Гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. М.; Пг., 1923; Холодковский В.М. Финляндия и Советская Россия. 1918–1920 гг. М., 1975.

⁵³ PWW. Vol. 59. Princeton, 1988. P. 545.

⁵⁴ ГА РФ, ф. 200, оп. 1, д. 115, л. 63–63 об.; US. Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Russia. 1919. Washington, 1937. P. 377.

⁵⁵ Leeds Russian Archive. MS 1500. Zemgor Archive. Diplomatic Papers. Box 11. F.: Протоколы заседаний ПРС № 50–86. К Протоколу № 72.

⁵⁶ Советское правительство предложило Эстонии вступить в переговоры уже 31 августа 1919 г., 4 сентября эстонцы выразили готовность начать переговоры через неделю. Дальнейшее затягивание переговоров с Эстонией, Латвией, Литвой до 25 октября объяснялось позицией западных держав и желанием дождаться результатов наступления Юденича на Петроград (Штейн Б.Е. Указ. соч. С. 268–269). Мирные договоры были заключены РСФСР с Эстонией 2 февраля, с Литвой – 12 июля, с Латвией – 11 августа 1920 г.

⁵⁷ О противоречиях между эстонцами и Юденичем см.: Родзянко А.П. Воспоминания о Северо-Западной армии. Берлин, 1921. С. 3, 18, 29, 52, 66, 121, 123; Интервенция на Северо-Западе России. 1917–1920 гг... С. 211, 214–241, 253, 344, 361–367; Фоглесонг Д. Соединенные Штаты, проблема самоопределения наций и борьба против большевиков в Прибалтике. 1918–1920 // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 618–620; Меймре А. Эмиграция из-под Петрограда в Эстонию в 1919 г. и в начале 1920-х гг.: исторический, социальный и культурный фон //

Русские вне России. История пути. Таллин, 2008. С. 178–179; Розенталь Р. Влияние действий белогвардейской Северо-Западной армии на ход войны за независимость Эстонии (1918–1920) // Россия и Балтия. Вып. 5. М., 2008. С. 113–138.

⁵⁸ Ленин В.И. ПСС. Т. 39. С. 348.

⁵⁹ ГА РФ, ф. 200, оп. 1, д. 115, л. 180.

⁶⁰ Там же, ф. 5680, оп. 1, д. 6, л. 106–107 об.

⁶¹ Там же, л. 61–63.

⁶² Там же, ф. 200, оп. 1, д. 115, л. 181–181 об.

⁶³ Там же, д. 285, л. 32.

⁶⁴ Там же, ф. 6851, оп. 1, д. 35, л. 4–5.

© 2011 г. И. А. ХОРМАЧ *

БОРЬБА И СОТРУДНИЧЕСТВО СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА С ЛИГОЙ НАЦИЙ В 1919–1934 годах

С момента создания Лиги Наций (1919 г.) прошло более 90 лет, но до сих пор актуально изучение позитивного и негативного опыта взаимодействия в ее рамках больших и малых государств с целью создания условий мирного существования и обеспечения экономического выживания в годы послевоенной разрухи. Для Советского государства деятельность Лиги Наций в период 1919–1934 гг. (до вступления СССР в организацию) имела огромное значение, и отношение Москвы к ее инициативам не всегда было отрицательным. В результате постепенного расширения участия в различных форумах и мероприятиях Лиги наша страна вовлекалась в международную жизнь, а затем перешла и к активной деятельности на мировой арене, вступив в число крупнейших держав, вершивших судьбы мира.

История Лиги Наций достаточно подробно разработана в мировой исторической литературе. В отечественной историографии имеются две работы, посвященные Лиге¹, и нет ни одного исследования по международной политике 20–30-х гг. XX в., в котором не упоминалась бы деятельность Лиги. Однако важный аспект – генезис отношений Советского государства и Лиги Наций до 1934 г. не анализировался учеными, а их оценки влияния Лиги на международную обстановку оставались негативными. Кроме того, для исследователей были недоступны многие открытые ныне материалы, отражающие политику Кремля в отношении этой международной организации. Использование документов Архива внешней политики РФ, Архива Президента РФ, опубликованных советских и зарубежных источников, материалов Лиги позволяет адекватно отразить взаимоотношения последней с Советским государством в указанный период, показать степень участия нашей страны в мероприятиях Лиги, изменение приоритетов в международной политике СССР и государств – создателей Лиги, приведшее к вступлению Советского Союза в эту организацию на правах великой державы.

После Октябрьской революции 1917 г. Советская Россия оказалась вне мирового сообщества, не принявшего внутреннюю и внешнюю политику правительства большевиков. Свои первые внешнеполитические контакты Советы установили с государствами, побежденными в мировой войне и оказавшимися в изоляции (Германия, Турция и др.), так как договориться с ними о сотрудничестве было проще. Также налаживались связи в технической, гуманитарной и экономической областях со средними и великими державами. Этого казалось достаточно в первые послереволюционные годы, когда были велики иллюзии в отношении быстрого восстановления хозяйства страны.

* Хормач Ирина Александровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.